

УДК 1 : 37

Дольская О.А.

Когнитивный потенциал культурных смыслов в формировании мышления

Формирование нелинейной техники мышления зависит от функционирования культурных смыслов реальности. Представители современной философии предлагают смысл рассматривать как нечто подвижное и текучее, а культура Постмодерна предлагает отказаться от идеи линейной оппозиционности. Порождаются новые смыслы, которые не вписываются в привычную схему понимания. В результате закладываются основы для формирования нелинейной техники мышления.

Ключевые слова: мышление, знаковая реальность, техника мышления, культурный смысл, семантика и прагматика, бинаризм.

Актуальность. Интеллектуальные революции или парадигмы мышления возникают не стихийно. Они – результаты специального обучения, образования. Успешность такого обучения зависит от опережающей разработки техники мышления. Одним из главных элементов формирования техники мышления остается культурный смысл, которым «наделяет» социум ту или иную абстракцию, понятие. При этом социальный мир перестал быть плоскостью объективаций, он приобрел глубину и многомерность, которые получают оформление в актах сознания. Современное человечество в информационную эпоху переходит из общества, основные закономерности которого лежат в социологической системе координат, к социуму, в котором доминируют сугубо личностные, психологические связи и отношения. Стихийно формируется новая социальная реальность, основанная на интеллекте, знании, культурном и социальном капиталах. *Цель.* Показать, прежде всего с методологических позиций, что место «объектности» все больше занимает «субъектность» и происходит текстуализация социального мира, его понимание как интер– или

гипертекста, как производного от знаковой реальности, что не может не сказываться на формировании мышления.

Степень разработанности. Как известно мышление формируется под влиянием определенных процессов, имеющих место в социуме. Поэтому анализ формирования новой техники мышления нуждается в методологических линиях, позволяющих рассмотреть этот процесс в контексте текстуализации социального мира. Работы К.О. Апеля, Н.Лумана, Ж.Ф. Бодриера дают нам возможность оценить значение смысла в формировании не только техники мышления, но и уяснить роль знака в общей картине реального мира. Анализируя производство культурных смыслов, А. В. Белокобыльский фиксирует: «Реальность открывается разуму в “социоразмерных” образах. Реальность вообще и любой ее эмпирический элемент в частности даны человеку посредством разума, и именно стратегии организации “внешнего” разуму материала определяют структуру универсума и культурных смыслов» [1, с. 220].

Существуют разные традиции понимания смысла. В логической семантике смысл связан с мысленным содержанием, которое усваивается при понимании языкового выражения. В лингвистике смысл связывается с конструированием субъективного образа. В философии, на наш взгляд, культурный смысл служит структурным коррелятом понимания, при котором знания организуют понимание таким образом, что человек может фиксировать функциональные характеристики элементов мира относительно друг друга.

Формирование культурных смыслов реальности со времен Античности во многом зависит от действия так называемой «картины мира», значение которой и сегодня не потеряло своей актуальности в различных науках. Эти смыслы приобретают статус культурных смыслов, которые становятся дополнительными средствами организации понимания. Само понятие можно рассматривать, как своеобразную метафору, что дает возможность все время уточнять эту «картину». Понятие «картина мира» синонимично понятию

«образ мира», «видение мира», «модель мира». Примерами инвариантных картин могут быть «религиозная картина мира», «философская», «научная» и т.п. Наше мышление так устроено, что если у нас нет представления о целом, мы не осознаем, не понимаем его деталей, элементов, потому что вопрос «что задает контексты нашим словам и значениям?» остается без ответа. Таким целым для человека является картина мира.

Рациональность Античности, опираясь на логоцентрический разум, в общекультурной перспективе могла создать такой образ мира, который был в отличие от мифологических представлений достаточно логичен и непротиворечив. Эпоха Просвещения была жестко детерминирована ньютоновско-кантианской картиной мира: сознанию преподносились реалии, выраженные с помощью определенной терминологии, которые получали определенный смысл через сопоставление с нормами и образцами. В них в свернутом виде были заложены неизменные культурные смыслы и значения. Действительность в таком случае представлялась как единая целостность, как «картина мира» с жестко привязанными к определенным явлениям, процессам и смыслам образами, что способствовало формированию причинно—следственного мышления в форме его линейной техники.

Однако картина мира, предложенная ньютоновско-кантианской моделью, подвергается критике, которая разворачивается в контексте вопроса о «конце метафизики»: поднимается проблема снятия абсолютных границ мышления. Для мышления Нового времени аксиомами стали положения Канта о пространстве и времени как априорных формах созерцания. Тем самым Кант поставил акцент на том, что люди обладают полярно противоположными способами различать знаки окружающего мира. Анализируя эти способы различия, И. Кант обратил внимание на то, что лучше было бы говорить о «различии в различении». Это различие возможно только мыслить, т.к. оно не дано в созерцании: в силу того, что «различие в различении» понимается как различие между такими формами созерцания, как пространство и время, то оно предшествует всякому созерцанию. По

Канту, то, что мы можем мыслить, еще не значит, что мы его (различие) познаем. Чтобы выйти из своеобразной дилеммы «мы знаем то, чего не можем познать», он стал понимать мышление не с логической стороны, а с философской. Указывая на ограниченность философии Лейбница и Вольфа, он писал: «Вот почему философия Лейбница и Вольфа указала всем исследованиям о природе и происхождении наших знаний совершенно неправильную точку зрения, признавая различие между чувственностью и интеллектуальным только логическим различием. На самом деле это различие трансцендентально и касается не просто формы отчетливости или неотчетливости, а происхождения и содержания знаний» [2, с. 80]. Необходимо отметить следующий существенный момент, который позволит понять мышление, о котором писал Кант. Само «философское понимание мышления Модерна было ориентировано на парадигму геометрического мышления», – указывает В. Лукьянец [3, с. 15], поэтому в эпоху Модерна каждому пространству текстов соответствовал один тип рациональности.

Снятию абсолютных границ мышления способствовала концепция «логического пространства» Витгенштейна, с помощью которого [пространства – авт.] можно описывать и мыслить мир. Мир выступает как пространство знаков, текстов, знаковых конструкторов: мир и мышление предстают как одно и то же. Рациональность в этом случае выступает как открытость логического пространства к трансформациям, связанным с временным фактором. В Новое время предполагалось, что логика взаимодействия знаков во всех пространствах одна – логика Аристотеля, где невозможно нарушение принципов тождества, противоречия и исключенного третьего. Именно они очерчивают сферу применения логики Аристотеля – логики, которая выстраивается на оппозиционных категориях типа «истина – ложь», «опровергнуто – доказано» и т.п. Логика построения «картины мира» Модерна отличается строгой упорядоченностью, унификацией, систематизацией, т.е. мир этого периода предстает как линейно упорядоченный замкнутый универсум.

В это же время проблема описания мира, опирающаяся только на когнитивные функции языка, признается ограниченной. Витгенштейн и Хайдеггер, а за ними и Рорти «высмеивают» классическую картину мира и человека, который опирается на систематическую философию, на универсальную соизмеримость мира. Они настаивают на такой точке зрения, по которой «слова берут свои значения из других слов, а не благодаря своему репрезентативному характеру, и, как следствие, словари приобретают свои преимущества от людей, использующих словари, а не от прозрачности словарей относительно реальности» [4, с. 179]. В центре внимания оказывается проблема коммуникации, которая сама «погружается» в структуры языка. Проблема находит реализацию в аналитической философии Витгенштейна. Английский философ не останавливается на том, что знак и работа с ним ограничивается только работой семантического характера, т.е. работой по восстановлению смысла знака по отношению к его объекту. Он подчеркивает значение прагматического аспекта в работе со смыслом для лучшего уяснения семантики знака. Предшественник Витгенштейна Пирс развивал логическую линию в семиотике, согласно которой рациональный смысл понятий постигается через выявление возможных последствий его употребления в том или ином значении для реального жизненного поведения людей.

Витгенштейн рассуждения о значении прагматического аспекта знака рассмотрел в контексте реалий жизни. Введя понятие «множества игр», Л. Витгенштейн в целом вышел за границы только лишь описательного (семантического) содержания языка, намечая тем самым ход дальнейшего анализа языка, но уже в прагматической области, где основным объектом становится человеческая речь. Теперь к смысловому содержанию добавляется прагматическое. Итак, Л. Витгенштейн один из первых разрывает рамки номы мышления и утверждает многообразие языковых миров, указав на связь семантики и прагматики, а именно: прагматика способствует усовершенствованию семантики. Он также предлагает

расширить сферу рациональности за счет практического, прагматического применения разума.

Теперь попытаемся схематически отметить основные отличия линейной и нелинейной техник мышления и посмотрим, как эти отличия влияют на описание смыслового характера картины мира. Мамардашвили различал классическую и неклассическую картины и отмечал для них, как вполне естественный элемент, наличие и определенной рациональности. [5, с. 237]. Разницу между классической и неклассической он объяснял так: в классической явления предполагаются законченными и завершенными, а это приводит к тому, что «сами акты и пространство построения картины о них как бы вынуты из взаимодействий» [5, с. 238]. Но именно во взаимодействиях «предметы меняются непрерывно таким образом, что мы вообще не можем получить аналитическую картину этих предметов» [5, с. 38].

Обращение к устойчивым структурам взаимодействия, описывающим мир, – является одной из особенностей линейного мышления. Развитие научной рациональности привело к формированию такого образа мира, который возможен только с опорой на «научную картину мира». Эта картина предполагала и определенную линейную логику мышления, которая опиралась на выводное знание. Для линейной логики Нового времени характерна уверенность в том, что всякое («подлинное») знание может и должно найти со временем абсолютно твердые и неизменные основания (фундаментализм). В ней присутствует обращение к аналитичности, бесконечные поиски определений, сведение обоснованности к истинности, редукция всех употреблений языка к описанию, отказ от сравнительной аргументации, стремление к всеобщей математизации и т.д. Необходимо также иметь в виду то, что предписания линейной логики составляют ядро рациональности любой эпохи, и вместе с тем они не являются однозначными. Прежде всего, не существует единой логики, законы которой не вызывали бы разногласий и споров. Логика слагается из необозримого множества частных

систем, а «логик», претендующих на определение закона логики, в принципе бесконечно много.

Если рациональность Нового времени подчеркнута опирается на науку, то нелинейная техника мышления стоит на других позициях. Она не противопоставляет авторитеты («классику») разуму и не считает аргумент к авторитету допустимым во всех областях, включая науку, не ищет окончательных, абсолютно надежных оснований знания, не истолковывает новое знание как простую надстройку над всегда остающимся неизменным старым фундаментом, противопоставляет подробности восприятия мира системный подход к нему, не переоценивает роль определений в структуре знания, не редуцирует обоснованность (и, в частности, обоснованность оценок и норм) к истинности, не считает описание единственной или ведущей функцией языка, использует, наряду с абсолютной, сравнительную аргументацию, не предполагает, что во всяком знании столько научности, сколько в нем математики, и т.д.

Философия Постмодерна по-другому рассматривает пространство мира: оно становится миром-текстом и рассматривается при помощи метафоры сада ветвящихся тропок. Новый образ предполагает и новое мышление, которое организовывается новым типом рациональности. Он задается не классической логикой, а логикой парадоксов, диссонансов, логикой разногласий: рациональность, точнее ее мыслеобраз, ассоциируется с неопределенностью, текучестью, со становлением. Причем каждому пространству знаков, каждому тексту стал соответствовать свой «тип рациональности», под которым стали понимать «свод металогических принципов, регулирующих межтекстовые взаимосвязи знаков, знаковых образований, текстов» [3, с. 16]. В центре внимания оказывается работа со знаками. Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида и др. изучение знака сближают с процедурами интерпретации, которая направлена «вглубь смысла», а текст характеризуют с позиции открытости и выхода в другие коды и знаки.

Ж. Делез критикует в «Логике смысла» платоновско-гегелевскую традицию, в которой смысл наделялся статусом трансцендентальности, т. е. заданности. Смысл представляет собой нечто текучее, подвижное и становящееся. «Смысл – это выражаемое в предложении – это бестелесная, сложная и не редуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей, чистое событие, присущее предложению. Глагол – та форма высказывания, посредством которой конституируется смысл, в то же время глагол является событием, т.к. он процессуален и включен в систему отношений языка и вещей» [6, с.37].

Философия Постмодерна обращается к проблеме нелинейной техники мышления, наделяя мышление статусом «постметафизического». Представители Постмодерна расценивают мышление как такое, которое реализует себя вне традиционных функционально-семантических оппозиций, которые в классической и неклассической культуре выступали в качестве фундаментальных осей мыслительного пространства. В качестве одной из таких бинарных пар выступает семантико-структурная оппозиция «субъект – объект». Культура Постмодерна предлагает снятие самой идеи линейной оппозиционности, а это ведет к тому, что бинаризм уже не могут выполнять структурообразующую функцию в организации мыслительного пространства. Критикуя бинаризм, Ж. Делез переосмысливает понятие «различие»: по его мнению, именно различия образуют некоторую ось отношений, лишенную организующего, упорядочивающего центра [7]. Представители Постмодерна фактически выступают с программой отказа от идеи линейности и традиционно сопрягаемой с ней идеей предсказуемой, однозначной, прозрачной рациональности.

Конституирование какой бы то ни было картины реальности возможно двумя путями. Первый обращен к симуляции, а второй связан с произвольным абстрактным моделированием реальности как нефинальной процессуальности. Первый путь наиболее ярко представлен в философии Ж.-Ф. Бодриера, для которого действительность начинается и заканчивается

версией, предоставленной средствами массовой информации. Он считает, что знаки только симулируют реальность, что человек производит образы, которые не передают и не несут никакого смысла: «Большинство образов сегодня, которые доносят до нас телевидение, живопись, пластические искусства, образы аудиовизуальные или синтетические образы – все они не значат ничего» [8, с. 17]. А вторая позиция очень точно охарактеризована Н. Луманом: он подчеркивает неисчерпаемость смыслов: «Смысл – это бесконечный процесс, то есть неопределенная связь отнесений, к которой можно определенным образом получить доступ, а также воспроизводить ее» [9, с. 49].

Выводы. Социальное пространство, таким образом, выступает как такое, где включается в работу интерпретатор. А отражение его в мышлении и последующее оязыковление является результатом восприятия множественности смыслов мира, с помощью которого воссоздается его целостность с целью восстановления логики символов, слов, жестов, чтобы «вписать» их в порождающие их же культурные структуры. В самом общем виде работа направлена на воссоздание пространства, где эти смыслы будут «жить», т.е. употребляться. Смысл понимается не как имманентный объекту, а как результат произвольно реализуемых дискурсивных практик. Анализ новой техники мышления невозможен без учета особенностей функционирования культурных смыслов реальности.

Литература:

1. Белокобыльский А. В. Основания и стратегии рациональности Модерна : [моногр.]. / А. В. Белокобыльский. – К. : Изд-во ПАРАПАН, 2008. – 244 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант / Собр. сочинений : В 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
3. Лукьянец В., Соболев, О. Рациональность – «обычай – деспот!»? / В. Лукьянец, О. Соболев // Sententiae: наукові праці Спільноти дослідників

- модерної філософії (Паскалівського товариства), 2004. – Спецвипуск № 1. «Феномен раціональності». – С. 3 – 27.
4. Рорти Р. Философия и зеркало культуры / Р. Рорти // Постмодерн в философии, науке, культуре. – Хрестоматия ; [сост. В. И. Штанько, И. З. Цехмистро, В. Н. Сумятин]. – Харьков : СиМ, 2000. – С. 159 – 194.
 5. Мамардашвили М. К. / М. К. Мамардашвили / Классический и неклассический идеал рациональности. – Тбилиси : «Мецниереба», 1984. – 81с.
 6. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum* ; [пер. с фр. Я. Я. Свирского; научный ред. А. Б. Толстое]. – Фр.– М. : «Раритет», Екатеринбург : «Деловая книга», 1998. – 480 с.
 7. Делез Ж. Различие и повторение. Глава пятая. Асимметричный синтез чувственного / Ж. Делез // Постмодерн в философии, науке, культуре : Хрестоматия ; [сост. В.И. Штанько, И.З. Цехмистро, В.Н. Сумятин]. – Харьков : СиМ, 2000. – С. 72 – 128.
 8. Vaudrillard J. De la seduction / Vaudrillard Jean. – Paris : Denoel, 1979. – 243 p.
 9. Луман Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; [пер. с нем. А. Антоновский]. – М. : Издательство «Логос», 2004. – 232 с.

Дольська О.О.

Когнітивний потенціал культурних смислів у формуванні мислення

Формування нелінійної техніки мислення залежить від функціонування культурних смислів реальності. Представники сучасної філософії пропонують значення розглядати як щось рухоме та текуче, а культура Постмодерна пропонує відмовитися від ідеї лінійної опозиційності. Породжуються нові значення, які не вписуються в звичну схему розуміння. В результаті закладаються основи для формування нелінійної техніки мислення.

Ключові слова: мислення, знакова реальність, техніка мислення, культурний смисл, семантика і прагматика, бінарізми.

Kognityvny potential of cultural senses in forming of thought

Forming of nonlinear technique of thought depends on functioning of cultural senses of reality. The representatives of modern philosophy offer sense to examine as nothing mobile and fluid, and the Postmodern's culture suggests to give up the idea of linear opposition. New senses which are not inscribed in the usual chart of pony craze are generated. Bases for forming of nonlinear technique of thought are mortgaged as a result.

Keywords: thought, sign reality, technician of thought, cultural sense, semantyka and pragmatist, bynaryzmy.